

Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в.

В.В. Батыров, И.В. Лиджиева, Л.В. Оконова

Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук (Элиста, Россия)

The Estate Structure of the Kalmyk Society in the Context of the State Policy of the Russian Empire in the XIX Century

V.V. Batyrov, I.V. Lidgieva, L.V. Okonova

Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences
(Elista, Russia)

Исследуются вопросы государственной политики Российской империи в XIX в. на территории Калмыцкой степи, которая привела к изменению социального статуса традиционных сословных групп. Авторы на основе большого фактического материала в своей работе дали подробный анализ состояния сословной структуры калмыцкого общества XIX в. с учетом тех изменений, которые произошли в результате реформирования правового статуса социальных групп, существовавших в Калмыцкой степи. При этом, несмотря на активную политику по введению калмыков в российскую систему управления, имперские указы незначительно регулировали социальные отношения, в основном подтверждая привилегированное положение калмыцкой аристократии, которое также было зафиксировано нормами обычного права. В течение XIX столетия правовой статус личности трансформировался в соответствии с российским законодательством, постепенно приравниваясь к общероссийскому. Социальная структура калмыцкого общества использовалась для повышения эффективности управления и укрепления административной вертикали до 1892 г., когда окончательно были разрушены традиционные сословные институты калмыков.

Ключевые слова: социальная история, Калмыцкая степь, сословие, история России XIX в., история Калмыкии XIX в., внутренняя политика.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-03

В первой половине XVII в. калмыки, приняв российское подданство, оказались в иных геополитических условиях, сохранив традиционный образ жизни

This article deals with the state policy of the Russian Empire in the XIX century on the territory of the Kalmyk steppe that resulted in changing the social status of traditional estates. The authors having examined big factual material gave a detailed analysis of the estate structure of the Kalmyk society in the XIX century, taking into account the changes that occurred as a result of the reform of the legal status of estates groups in the Kalmyk steppe. At the same time, despite the state's active policy to integrate the Kalmyks into the Russian state administration system, imperial decrees had little influence on Kalmyk social relations, confirming mainly the privileged position of the Kalmyk aristocracy, fixed by common law. In the course of the nineteenth century individual's legal status was transformed in accordance with the Russian legislation, gradually providing parity with Russian civil status. Finally the authors concluded that the social structure of the Kalmyk society was used to improve administration efficiency and to strengthen the administrative hierarchy until 1892, when traditional estates institutions of the Kalmyks were destroyed.

Key words: social history, Kalmyk steppe, estate, Russian history in the XIX century, history of Kalmykia in the XIX century, domestic policy.

и уже сложившуюся социальную структуру общества. Определенная, веками выработанная система управления в Калмыцкой степи была организована

применительно к кочевому образу жизни и соответствующему уровню экономического и культурного развития калмыков. В XIX в. царская администрация в ходе введения законодательным путем территорий, населенных инородцами, в общую систему управления стала просто встраивать российские законы в традиционные институты калмыков. Имперские указы незначительно регулировали социальные отношения, в основном подтверждая привилегированное положение верхушки, которое было зафиксировано нормами обычного права. В связи с этим в первой половине XIX в. калмыцкое общество по-прежнему делилось на два основных сословия: неподатные — светские и духовные феодалы и податные — простолюдины. К первому относились нойоны, зайсанги и члены их семей. Эти лица составляли категорию цаган ясн (калм. *белая кость*). К данной сословной группе относились и представители буддийского духовенства, например, ламы (высшие духовные служители), бакши (учителя веры), гелюнги (священники) и др.

Высокое социальное положение аристократии в калмыцком обществе было обусловлено ее административными функциями. На самом вершине иерархической лестницы находились нойоны (калм. *властелин, господин, предводитель*) — владельцы улусов. Нойоны располагали штатом специальных должностных лиц по административному управлению. К числу должностных лиц нойона относился зайсанг (кит. *цзай-сян* — правитель аймака), *дарга* (управляющий личным двором нойона), *демчей* (сборщик податей с 40 кибиток), *шуленга* (сборщик податей с 20 кибиток), хотонные старосты и др. Согласно нормам обычного права нойоны имели право передать один из своих аймаков в личное или наследственное пользование родственнику или простолюдину за особые заслуги, которые переходили в разряд зайсангов. По сообщению калмыцкого пристава К. Я. Ваценко, «за важные преступления зайсангов, владельцы имеют право отымать аймаки и отдавать их родственникам, а за неимением их посторонним достойным людям» [1, л. 14об.]. В данном случае мы наблюдаем пример как нисходящей вертикальной социальной мобильности, когда нойоны добровольно переходили в разряд зайсангов, так и восходящей, когда простолюдины входили в состав калмыцкого привилегированного сословия.

Зайсангам предписывалось ведение постоянного надзора за рядовыми кочевниками в целях предупреждения самовольных откочевков, бегства или их захвата неприятелем. В калмыцких улусах и аймаках существовал порядок, по которому каждый должен был проживать и кочевать в строго определенной местности и только в своем улусе. Данные указания вытекали из политики высшей знати по ограничению и полному пресечению свободы передвижений зависимого населения. Поэтому небрежность или халатность,

проявленные при надзоре за *албату* (алба — повинность, албату — несущий повинности), расценивались как преступление, и виновные зайсанги подвергались штрафу. Безнадзорное и свободное передвижение масс *албату* затрудняло сбор податей с них, выполнение повинностей, сбор ополчения и ставило их под угрозу захвата другими нойонами.

Важной обязанностью зайсангов был сбор податей в пользу нойонов. Как свидетельствуют источники, калмыцкие нойоны ежегодно получали от своих албату в виде подати десятую часть от всего их скота. Кроме того, зайсанги в свою пользу также облагали податью рядовых кочевников своего аймака. При этом количество и размеры поборов не ограничивались. Зачастую подати, как это наблюдал И. Георги, дополнительно «собирались во время войны, княжеской свадьбы, или когда правители малых улусов хотели жить попышнее...» [2, с. 7].

Постепенно менявшиеся условия жизни калмыцкого народа в составе Российской империи после событий 1771 г. и более энергичное вмешательство в дела Калмыкии русского правительства вносили некоторые изменения в положение высшего светского сословия в обществе. В первой половине XIX в. наиболее значимым событием в развитии социальной структуры у калмыков стало введение в действие Положения 1834 г. [3, с. 685], когда впервые в российском законодательстве нойоны и зайсанги были приравнены к дворянам, и за ними были признаны права личного потомственного дворянства и почетного гражданства. Положение также закрепило принцип майората, тем самым непосредственно затрагивало социально-правовой статус зайсангов. В XVII–XVIII вв. нойоны и зайсанги делили свои улусы и аймаки между своими сыновьями. Теперь нойонам запрещалось делить свои улусы между наследниками, а зайсангам запрещалось делить аймаки, а передавать без раздробления старшему сыну в роду. В калмыцком обществе появились новые социальные группы: мелкопоместных нойонов, не владевших улусами, и безаймачных зайсангов. При этом аймачные зайсанги, в отличие от нойонов, которые сохраняли дворянский статус, владеющие аймаком, получали права потомственного почетного гражданина, а безаймачные зайсангам (т. е. не владеющие аймаками) — права личного почетного гражданина. Таким образом, к концу XIX в. их численность составила 2282 чел. [4, с. 2–3, 150–161].

Данный параграф Положения повлек за собой целую череду разбирательств, которые продолжались вплоть до 1892 г. По Положению 1834 г. безаймачные зайсанги они и их потомки лишались всякого права и возможности стать аймачными зайсангами, так как получали звание «личного почетного гражданина», которое не передавалось по наследству сыновьям. Для детей безаймачных зайсангов это означало

переход в податное сословие. Этот вопрос оказался самым болезненным и задевал все слои общества, поскольку потомки нынешних аймачных зайсангов в 70–80-х гг. XIX в. вынуждены были в инстанциях доказывать, что их отцы или деды до 1834 г. были аймачными зайсангами, и требовали во владение аймак или почетное гражданство [5, с. 184]. Обращение в судебные инстанции было характерно и для представителей нойонских фамилий, которые рассматривали как прецедент для получения княжеского титула тот факт, что княжеские рода Грузии после принятия Георгиевского трактата в 1783 г. получили титулы князей Российской империи. Нойоны Тюмени, а за ними Тундутовы и Гахаевы не оставляли своих попыток добиться княжеского титула до начала XX в., продолжая именовать себя князьями [6, с. 15].

Сословная структура калмыков напрямую была связана с улусо-аймачной системой. Российская администрация заняла место и роль нойонов-улусовладельцев в калмыцком обществе, в подчинение которой автоматически перешли аймачные зайсанги. Это можно заметить при рассмотрении ситуации сложившейся в калмыцких улусах в конце XIX в. Из письма зайсанга Шарнут-Чоносова рода Сюке Зундуева, отправленного в 1891 г. в Управление калмыцким народом (УКН), где он просил допустить его к управлению аймаком, после того как он был уволен по болезни, можно представить, что зайсанг обращался к администрации подобно тому, как ранее к своему нойону [7, л. 48].

Албату, шабинеры и кетченеры составляли низшее социальное сословие калмыцкого общества — хар ясн (калм. *черная кость*). *Албату* составляли самое многочисленное сословие и несли основное бремя повинностей в пользу нойонов и зайсангов. Они пасли скот калмыцкой знати, вносили натуральный и денежный оброк, несли воинскую и подводную повинности, платили чрезвычайные дополнительные подати продовольствием. *Шабинеры* (калм. *шевр* происходит от слова «шаби», — ученик в буддийском монастыре) несли практически те же тяготы, что и *албату*, но только в пользу духовенства. Калмыцкие нойоны делали крупные пожертвования в пользу буддийской церкви. Они дарили духовенству скот и в том числе своих подвластных людей, которые становились собственностью церкви и назывались *шабинеры*, т. е. послушники. *Кетченерами* (домашняя челядь) в калмыцком обществе именовались группы людей, которые изначально исполняли роль дружинников при нойонах. К XIX в. их обязанности значительно трансформировались, и по существу они превратились в дворовую прислугу. Вследствие сложившейся системы в обществе наблюдался низкий уровень социальной мобильности.

Стремление российской администрации учитывать сложившуюся правовую систему местных тра-

диций и обычаев при введении Калмыцкой степи под юрисдикцию имперского законодательства проявлялось также в поддержке института самоуправления, который основывался на родовых связях и нормах обычного права. В 1847 г. было принято Положение об управлении калмыцким народом, которое закрепило правовое положение различных социальных групп населения с целью ускорить их вхождение в социальную структуру российского общества. Кроме того, данное Положение на законодательном уровне впервые закрепило основы местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов, формируемых на принципах выборности должностных лиц, коллективного обсуждения и решения вопросов местного значения. Указанная правовая норма может рассматриваться как социальный лифт, позволяющий простолюдинам, имеющим авторитет в обществе, занять престижный статус.

Светская и духовная знать, аккумулировав всю полноту политической и экономической власти, составляла господствующее высшее сословие, однако численность его была не очень велика. Так, по данным «Военно-статистического обозрения Астраханской губернии за 1850–1851 гг.» к 1850 г. в казенных улусах считалось 5 785 кибиток, владельческих — 8 817, всего — 14 602 кибитки или 56 000 душ обоего пола. Помимо этого, в семьях нойонов было 27 мужчин и 24 женщины, всего 51 человек. В семьях аймачных зайсангов 667 душ мужского и 573 женского пола, всего 1240 человек обоего пола. В семьях безаймачных зайсангов 574 мужчины и 436 женщин, всего 1010 человек обоего пола. В числе духовенства насчитывалось 2 065 человек. Таким образом, по сведениям 1850 г., всех калмыков насчитывалось 15 054 кибитки, т. е. семейств [8, л. 32].

В 1862 г. согласно переписи было зафиксировано 26 218 кибиток простолудинов: 63 615 душ мужского и 51 645 душ женского пола, владельцев — 41 душа обоего пола, зайсангов — 3 113, духовенства — 1 452, что в итоге составило 119 866 душ обоего пола. И уже в 1870 г., по данным исследователя А. К., в Астраханской губернии насчиталось калмыков мужского пола: нойонов 17, аймачных зайсангов 421, зайсангов безаймачных 1494, ламаистского духовенства (живущего «хурулами», безбрачно, на монастырском положении) 1201 и простолудинов 65 196 [9, с. 304].

Надо отметить, что с начала 60-х гг. XIX в. в астраханских кочевьях калмыков начали проводиться переписи, получившие название «домашних»: они носили сугубо местный характер. В период оформления попечительской системы управления узаконился порядок, согласно которому российские власти обязывали администрацию на местах иметь «верные сведения о числе кибиток или семейств калмыков простолудинов, не делая им переписи или ревизии по форме», но со временем стало очевидно,

что при отсутствии какой-либо переписи народа невозможно было иметь даже приблизительно верные сведения. Министерство государственных имуществ (МГИ) разрешило в 1861 г. главному попечителю К.И. Костенкову составить семейные списки калмыков. В том же году они были составлены и проверены особою комиссией с выдачей при этом печатных контрамарок. На последних обозначались номер кибитки и принадлежность семейства калмыка к улусу, роду и аймаку. В отчетах управления калмыцким народом, как правило, отражались данные о численности каждого калмыцкого сословия, причем привилегированных согласно подушному учету, а простолюдинов — и по количеству кибиток, и подушно.

Соответственно, численность сословия нойонов на протяжении всей второй половины XIX в. уменьшалась, а простолюдинов — все более увеличивалась. И только состав зайсангов оставался достаточно стабильным. В связи с этим можно утверждать, что трансформация социальной структуры происходила как качественно, так и количественно.

Рубежной вехой на пути эволюции кочевого общества стал утвержденный 16 марта 1892 г. закон об освобождении калмыков из-под власти нойонов и зайсангов. По данной реформе простолюдины были освобождены от обязательных отношений в пользу калмыцкой знати, что знаменовало собой слом традиционной социальной структуры. Хотя калмыки-простолюдины получили гражданские права «свободных сельских обывателей», однако авторитет и влияние привилегированного сословия сохранялся еще протяжении длительного времени. В некоторых улусах простолюдины по-прежнему несли повинности в пользу своих нойонов и зайсангов. Только в XX в. калмыки-простолюдины постепенно переходили от глухого недовольства к активному сопротивлению. К примеру, начало XX в. ознаменовалось для семьи нойонов Тюменей столкновением с калмыками их Александровского улуса, бывшего на протяжении многих лет их владением, которые оседло и полуоседло проживали на волжском острове Шамбай.

При обнародовании нового закона было особо отмечено, что нойоны не имеют права взыскивать с калмыков-простолюдинов накопившиеся за прежнее время недоимки албана (подать, оброк) [10, л. 46]. С этого времени все население Калмыкии, включая нойонов и зайсангов, облагалось налогом в пользу государства. Его размер по сравнению с прежними сборами значительно уменьшился. Новый налог вводился в размере 6 руб. с кибитки (на самом деле фактический налог с одной кибитки составлял свыше 10 руб.). За единицу обложения налогом была оставлена, как и ранее, кибитка (двор) [11, с. 173].

Наряду с традиционными сословными группами указанная перепись показала наличие в Калмыцкой

степи в незначительном количестве войсковых казаков, крестьян и мещан.

Реформа 1892 г. привела к тому, что все бывшие податные сословия стали одной многочисленной группой, получившей название инородцы. Согласно материалам Переписи 1897 г. инородцы насчитывали 120254 чел. Анализ документов [12] позволяет сделать вывод о том, что законодательный термин «инородцы» относился к категории подданных империи, квалифицирующей характеристикой которых была не национальная принадлежность, а юридический статус в административно-правовой системе государства. Словарь Брокгауза и Ефрона трактует данный термин как «некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые по правам состояния и по управлению поставлены в особое положение» [13, с. 224].

Интересен тот факт, что по данным Первой всеобщей переписи 1897 г. в Калмыцкой степи полностью отсутствуют представители купеческого сословия [14, с. 2–3, 150–161]. Вероятно, это связано с тем, что в 1883 г., после отмены третьей гильдии, торговля стала доступным ремеслом для всех слоев населения [14, с. 532]. Так, известно, что зайсанг Бюдермис-Кюбетовского аймака Большедербетовского улуса М. Польшеев после реформы 1892 г., будучи предприимчивым человеком, имеющиеся у него накопления от албана вложил в торговое дело и открыл магазин для торговли мелкими товарами. В 1905 г. он стал уже торговать промышленными и продовольственными товарами, имел большой магазин, двух калмыков-приказчиков. Общая прибыль от торговли мануфактурой составляла 800 руб. в год. В 1910–1915 гг. М. Польшеев уже имел каменный дом, два амбара, деревянную конюшню, три сарая, кирпичный и кожевенный заводы, магазин промышленных и продовольственных товаров.

Таким образом, с момента введения в действие закона от 16 марта 1892 г., который был очень важен глубокими и структурными изменениями, произошедшими в калмыцком обществе, права калмыцких нойонов и зайсангов на подвластных им калмыков и на взимание с них албана отменялись. Феодалная зависимость калмыков-простолюдинов была ликвидирована. Закон унифицировал социальную структуру, приравнивал сословия калмыков к российским. Управление калмыцким народом полностью перешло к полномочиям улусных попечителей и их помощников, а родовым общинам было предоставлено право управлять выборными из народа.

Реформа 1892 г. завершала многолетнюю политику русского государства по отношению к инородческому населению — мелкие феодалы были низведены до положения «сельских обывателей», наравне с освобожденными крепостными, а податное население Калмыцкой степи переводилось в разряд свободных

сельских обывателей и платило подати только в пользу государства.

Таким образом, цели государственной политики Российской империи в XIX в., отраженные в Положениях об управлении калмыцким народом, заключались во введении территории Калмыцкой степи в общероссийскую систему управления, которое происходило методом санкционирования и инкорпо-

рации. В течение XIX столетия правовой статус личности трансформировался в соответствии с российским законодательством, постепенно приравниваясь к общероссийскому. Между тем традиционные сословные институты использовались для повышения эффективности управления и укрепления административной вертикали вплоть до 1892 г., когда они были окончательно разрушены.

Библиографический список

1. Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 161.
2. Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1795.
3. Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом, опубликованное 28 декабря 1835 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Отделение 2. 1835 г. — СПб., 1836.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Астраханская губерния. Тетрадь II. — СПб., 1904.
5. Митиров А. Г. Ойраты — калмыки: века и поколения. — Элиста, 1998.
6. Любимов С. Князя Тюменевы. — Ставрополь, 1915.
7. НА РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 125.
8. Из военно-статистического обозрения Астраханской губернии за 1850–1851 гг. // Научный архив КИГИ РАН. — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 37.
9. А. К. По вопросу о калмыках Астраханской губернии // Отечественные записки. — СПб., 1871. — Т. 146. — Кн. 6.
10. НА РК. — Ф. 9. — Оп. 2. — Д. 41.
11. Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XII. 1892 г. — СПб., 1895.
12. Положение об инородцах // Свод законов Российской империи. Т. II. 1892. — СПб., 1892.
13. Инородцы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. — СПб., 1894.
14. Михеев С. С. К вопросу о динамике развития купеческого сословия Российской империи через призму эволюции российского законодательства // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. — 2011. — № 23.